

- Что ж, тогда мы покидаем вас.

- Пожалуйста, берегите себя, миледи.

-...Прощайте.

Я только что отдал под суд свою мать, а потом, можно сказать вот этими же руками разрушил еще одну семью. По правде говоря, я сейчас совсем не против что бы кто ни будь подбодрил меня. Осыпал меня комплиментами. Если бы не было людей, с жаром уверяющих меня, что то, что я делаю, правильно, - ноша титула Эрцгерцога и идущей в купе с ним ответственность было бы совершенно невыносимы, - подумал я, глядя на двух родителей, стоящих на коленях перед собственной дочерью.

- Спасибо, что пришли. Я сейчас вкладываю все сердце в молитву, в которой прошу чтобы нам снова было дозволено встретится в будущем. - Роземэйн, продолжая стоять, наклонилась вперед и низко опустила голову, прощаясь с теми, кто совсем недавно был ее семьей. Подобный жест был незнаком мне. Выражая благодарность богам, человек вставал на оба колена и ложился ниц. Я никогда не видел, чтобы кто-то просто стоя склонял голову. Действительно, девочка, с воспоминаниями о жизни в другом мире.

Тем не менее, хотя я не узнал этот жест, нравится мне это или нет, я оказался способен почувствовать вложенные в него эмоции, которые он выражал. Любому было видно, что она выражала свою благодарность семье. Я знал, что я сделал - разлучил любящую семью, - поэтому, увидев их сердечные прощания, мою собственную грудь пронзила острая боль.

Дверь закрылась, и осталась только Роземэйн. От ее пошатывающейся фигуры так сильно веяло одиночеством и болью, что я не в силах больше смотреть на это, опустил глаза, но тут, сидевший рядом со мной Фердинанд внезапно встал на ноги и быстро сделав несколько шагов в перед, как будто предвидя то что могло произойти, и обнял ее, когда она внезапно завалилась на бок. Затем он резко крикнул в сторону двери:

- Фран, сюда!

Серый жрец, который ждал снаружи, тут же ворвался в комнату. Я узнал в нем слугу Роземэйн, который был так сильно ранен маной, что от любого движения он кривился от боли.

- Сестра Мэйн!

Я мог видеть выцветающие остатки благословения, покрывающие его фигуру, когда он бросился к ней. Учитывая, что его раны исчезли, я предположил, что Фран получила то же благословение, что и отец Мэйн. Паника на его лице показала, как сильно он волновался о своей хозяйке.

Её слуга, получив благословение, тем самым поднимал вопрос насколько далеко оно оказалось способно распространиться. Как я только что увидел, Роземэйн без каких либо колебаний, безрассудно использовала огромное количество маны, когда были замешаны те, о ком она заботилась. Мне позже надо будет исследовать этот вопрос и узнать, скольких людей достигло ее благословения.

- Не волнуйся, она просто потратила слишком много маны, - сказал Фердинанд, вытаскивая нужное зелье из своего хорошо укомплектованного шкафа и наливая его в рот Роземэйн. Вероятней всего, это было одно из его ужасных, мерзких поделок. Оно было так же эффективно, как и мерзко, но, если вы спросите меня вливать подобную мерзость в рот ребенка без сознания, было чрезвычайно жестоко. Фердинанд снова доказал, что действует больше на логике, чем на эмоциях.

Бедная девочка.

- Фран, отведи её в её покои и уложи в постель. Я приду завтра днем, чтобы объяснить, что нас ожидает в будущем. Когда придет время, собери для моего разговора с ними всех её слуг свиты.

- Понятно. - Фран поднял обмякшее тело, потерявшей сознание Роземэйн и вышел из комнаты. Это напомнило мне кое-что подобное, виденное мною раньше.

- Арно, чаю, и пока более ничего.

- Как прикажете.

Я смотрел на Фердинанда, который отдавал приказ своему доверенному, но легко выпадающему из памяти помощнику, и прошептал Карстедту:

- Эй, Карстедт. Это только мне кажется, или Роземэйн и вправду ужасно похожа на Блау? Только отвечай серьезно, шутки в сторону.

- Блау? Ааа, та шмиль, которую вы когда-то держали в качестве домашнего любимца.

Шмили были легко прирученными фейзверьками, издававшими милые «чирикающие» звуки. Многие дворяне держали их в качестве домашних любимцев, включая меня, но Блау была самой слабой из шмилей, которого я когда-либо видел. Её мех по цвету был нечто среднее между черным и синим, большие круглые золотые глаза, она всегда была очень слабой и, похоже, любила Карстедта больше меня. Другими словами, она была в точности как Роземэйн в звериной форме.

Я ожидал, что Карстедт немедленно согласится со мной, но тот ответил хмыканьем и словами:

- Вы говорите, что я ей нравился больше, чем вы, но это полностью ваша вина. Она постоянно была на грани смерти от всех ваших издевательств. Можно сказать, что она привязалась ко мне только из-за того что отчаянно стремилась выжить.

- Эй, вот не надо меня очернять. Все, что я сделал, это дал ей любовь, в которой нуждается любой питомец.

- В детстве вы были еще менее деликатным и внимательным, чем сейчас. С учетом того, как вы гонялись за нею и давили объятиями, любому маленькому зверьку, окажись он на её месте угрожала ранняя смерть, - вздохнул Карстедт, потирая виски.

Ого, что? Блау так быстро уставала, когда мы играли вместе, из-за меня, а не из-за ее слабости? Хе.

- Научитесь себя лучше контролировать. Если я правильно помню отчеты Фердинанда, Роземэйн намного слабее этой шмили.

- Слабее Блау? Я поверю в это, только когда увижу своими собственными глазами.

Я потрясен. Я думал, что Блау сбежала от меня, потому что, как фейзверь, она понимала мою истинную мощь, но на самом деле она просто боялась за свою жизнь. Я просто не могу в это поверить.

-... Я уверен, что Роземэйн уже простила меня за все эти поддразнивания. В конце концов, я только что спас ей жизнь.

- Вы изо всех сил давили на неё, чтобы увидеть, сколько терпения она способна проявить к незнакомцам, верно? Что ж, ее это совсем не позабавило. И вы только что разлучили ее с семьей, помните?

-Нг- ...- Я промолчал, заметив, что слуга Фердинанда толкает сюда сервировочную тележку с напитками. Чашки слегка звякнули, когда он поставил их на стол, и я разочарованно покачал головой.

Я никогда в жизни не видел более скучного парня.

Все слуги Фердинанда были мужчинами, и, вероятно, благодаря тому, как строго он их обучал, они всегда добросовестно выполняли свою работу наиболее эффективным способом. Они хорошо справлялись со своей работой, но ничего забавного или интересного в них не было.

- Фердинанд, как насчет того, чтобы для разнообразия тебе взять в свиту жрицу?

- Мне не нужны женщины, пытающиеся соблазнить меня ради статуса, а одна женщина будет неуместна в окружении одних мужчин и усложнит работу всем остальным. - Сразу же отверг мою идею Фердинанд, как бы сказав этими своими словами, «Обойдусь без охотниц за титулами»

- Арно, покинь комнату. Не подпускай никого к ней.

- Как пожелаете.

Прибытие аристократа иностранца, взятие под стражу Верховного епископа, смена имени и усыновление Роземэйн - все произошло так внезапно; нам нужно время, чтобы обсудить вещи, прежде чем он проинформирует ее слуг и других жрецов.

Когда признаки говорящие о присутствии людей за дверью исчезли, Фердинанд неспешно выдохнул и произнес:

- Итак, наш план сработал. Мы достигли наших целей.

-...Ага.

Мы защитили Мэйн, которая отказывалась подписывать контракт с дворянином и пыталась уклониться от этого так долго, как только могла и любыми методами; подыскали подходящую причину казни Верховного Епископа, который все более нагло нарушал закон; поместили мать, защищавшую Верховного Епископа, под домашний арест; и взяли под стражу дворянина со связями с Верховным епископом, который послужит мощным козырем против Эрцгерцога Аренсбаха. В общем, сегодняшние события, несомненно, утихомят фракцию знати, что поддерживала Мать в противовес мне.

- Не плохой результат. А вот во рту у меня от всего произошедшего очень неприятный привкус. - Если же проигнорировать, как ужасно было целенаправленно загонять мою мать в ловушку, а затем разрушать счастливую семью, то, конечно, сегодня был довольно хороший день.

- Не будь так строг с собой, Сильвестр. Это наилучший из возможных результатов.

- Цель не всегда оправдывает средства, понимаешь? - Всякий раз, когда происходило что-то, из-за чего меня называли черствым, холодным или расчетливым, можно было держать пари и выиграть его, что эти события были следствиями интриг Фердинанда. По крайней мере, в большинстве случаев.

- Я не испытываю ни капли любви к Безеванцу или твоей матери, - ответил Фердинанд, снисходительно сморщив нос. Для меня они были семьей, но для Фердинанда они были всего лишь врагами. Я знал это, но все равно было больно слышать эти слова, высказанные прямо в лицо.

- А что насчет Роземэйн? Ты ничего не чувствуешь по поводу исчезновения девочки по имени Мэйн и появления аристократки Роземэйн?

-... Я думаю, что это самый быстрый и эффективный способ дать ей более светлое будущее.

Ответил он, но выражение его лица было немного более озабоченным, чем минуту назад. Тепло и любовь в семье Мэйн были немыслимы для знати, для которых слава и продолжение рода были превыше всего. Даже Фердинанд чувствовал некоторую вину за то, что разрушил семью, искренне заботившуюся друг о друге.

- Я полагаю, что какое-то время она будет эмоционально неустойчивой, - произнес Фердинанд с выражением тревоги и озабоченности на лице. Он рассказал, что даже простая зимовка в храме привела к тому, что ее эмоции то взлетали в верх то тут же падали в низ, что пока она раскачивалась на этих «качелях», он мог видеть, как шевелится ее мана, а это означало, что ему приходилось держать ее под присмотром почти что все время. Эмоционально отстраненный Фердинанд редко был так внимателен к другим; возможно, присутствие Роземэйн оказало весьма неплохое влияние на человека, одержимого результатами превыше всего.

- Я оставлю утешение Роземэйн в эти тяжелые времена на вас двоих. Мне в это вмешиваться не с руки

- Сильвестр?

- Я Ауб Эренфеста. Так же, как я не балую своего настоящего сына, я не могу баловать приемную дочь.

Начни я баловать Роземэйн, мне захочется баловать и собственного сына, которому однажды придется нести тяжелое бремя, что сейчас несу я. Но мне сказали, что я не должен баловать будущего Эрцгерцога. В отличие от Фердинанда, я не настолько хорош в том, чтобы полностью отстраниться от чувств и действовать полностью рационально. Из - за этого титула Эрцгерцога есть очень много того что мне не доступно

- Как всегда, неуклюже, - с кривой улыбкой вынес свое суждение о моем маневре Карстедт. Было бы намного лучше, если бы такой холодный и расчетливый человек, как Фердинанд, был эрцгерцогом.

Вот еще один день, когда я проклинаяю, что Фердинанд родился от любовницы, а не от первой жены.

- Но что намного более важно - в порядке ли Роземэйн? Она призвала Отца, Мать и Вечную Пятерку одновременно - этого достаточно, чтобы даже здоровый человек потерял сознание. С нею точно все в порядке? - спросил Карстедт, глядя на дверь.

Я скрестил руки и проследил за его взглядом. Обычно нельзя молиться сразу нескольким богам; это требовало заметно больше маны, и шансы на успех сильно падали, особенно потому, что братья и сестры не любили Бога Жизни за то, что он каждый год прятал Богиню Земли. Я не слышал ни об одном случае, когда молитва ко всем богам одновременно действительно сработала, не говоря уже о том, чтобы сразу несколько человек получили благословение.

- Что меня по настоящему удивило так это то, что молитва и вправду сработала. Я думал, что она наверняка обернется неудачей, - сказал я, и Карстедт, который теперь считался биологическим отцом Роземэйн, нахмурившись, посмотрел в потолок.

- Это было просто беспрецедентно, но я не думаю, что Роземэйн полностью понимает, что она сделала, и насколько это важно.

- Так и есть, совсем не понимает - согласился Фердинанд.

- Ты сам получил благословение, не так ли, Фердинанд? Это ты научил ее использовать подобную магию? - Хотя огни благословения избегли Карстедта и меня, они достигли Фердинанда. Эти двое, вероятно, стали достаточно близки, чтобы достигнуть подобного результата, но отсутствие получения мною подобного благословения сильно меня раздражало.

Я впился взглядом в Фердинанда, поскольку я был ее приемным отцом и поэтому заслужил этого больше, чем он, но он просто посмотрел на меня в ответ не менее интенсивным взором.

- Да хватит уже. Сколько раз я вам уже говорил это? Мэйн могла использовать магию с самого начала.

Миссия по уничтожению тромбэ была первым ритуалом Мэйн, и чтобы помочь ей, Фердинанд дал ей магический инструмент в виде кольца, которое увеличивало и усиливало ее ману - это я понимал. Но Мэйн неожиданно смогла благословить всех рыцарей молитвой к Ангриффу, Богу Войны. Сама она говорила, что вид тромбэ напугал ее, и что она просто хотела помолиться за их удачу в бою. В отчетах были приведены её точные слова, но это просто не имело смысла.

- Она сказала, что просто сочинила фразу, которая должна была звучать так, как мог бы выразиться дворянин, и была удивлена, когда это превратилось в благословение, но больше, чем кто-либо, когда это произошло, был удивлен я, - продолжил Фердинанд. - Я ведь вообще не учил ее использовать магию.

- А как по мне так она была довольно опытна в этом. Подумать только, что данное ею благословение, получилось совершенно случайно, - сказал Карстедт, потирая подбородок, будучи одним из тех кто подпал под действие упомянутого благословения потирая подбородок.

Откровенно говоря, было совершенным безумием, что ей удалось сжать переполняющую её ману самостоятельно, без обучения или посторонней помощи. И было безумием, что она молилась об удаче рыцарей и дала божественное благословение, совершенно не рассчитывая

на это.

- Трудно поверить, что она не рассчитывала, что эти её слова не обернутся благословением, но даже если отбросить это в сторону, остается вопрос - как она может так хорошо использовать свою ману в столь юном возрасте?

- Я считаю, что это потому, что у нее ум взрослого и высокая способность к обучению. Разум ребенка не может должным образом контролировать ману, но, несмотря на ее юное тело, Мэйн помнит, как она достигла совершеннолетия в другом мире. Этого должно было быть достаточно, чтобы контролировать ману, - предположил Фердинанд. - Она привыкла к потоку маны, делая подношения божественным инструментам в качестве ученицы синей жрицы, и хотя это было полностью случайно, она смогла дать благословение, произнеся имя бога. Этого для неё было достаточно, чтобы знать, что она могла свободно контролировать свою ману, если бы у нее был фейкамень. Более того, она видела, как рыцари накладывают благословение Тьмы на свое оружие, прежде чем она приступила к молитве с помощью божественного инструмента, чтобы дать свое собственное благословение. Именно тогда она научилась давать благословения, молясь богам.

- Но все же. Научиться молиться - это одно, но как объяснить, что она так скоро оттараторила всю эту молитву? - Молитвы, необходимые для получения благословения богов, были невыносимо долгими - нужно было запоминать их имена и какой бог какое благословение давал. Рыцарей-подмастерьев учили молиться Богу Тьмы, с самого начала учебы, чтобы они могли благословить свое оружие при уничтожении тромбэ, но даже при этом большинству из них подобные молитвы давались непросто.

- Если бы вы спросили Мэйн об этом, она бы ответила, что ей нужно было запомнить строки только одной молитвы. Оттуда она узнала имена богов, после чего она смешала их и строки Священного Писания, которые она выучила, читая Библию.

Вспоминая засаду на Весеннем молебне, Мэйн тогда уверенно произнесла: «Мне просто нужно молиться богам, чтобы произошла магия, верно?!» даже не осознавая, насколько это было не правильно. Она не ошибалась, но никто, получивший образование в Королевской академии, не стал бы тратить ману подобным образом.

... С сегодняшнего дня Роземэйн будет считаться девой благородного происхождения, которая использует в повседневной жизни магические инструменты. Мне кажется, что было бы разумно обучить ее кое чему о магии, прежде чем она поступит в Королевскую академию, - сказал я. Магические инструменты были неотъемлемой частью жизни любого аристократа. Большинство детей носило с собой магические инструменты, которые могли бы поглотить их избыточную ману, но поскольку никто не мог предсказать, в какую невообразимую ситуацию может влезть Роземэйн, мы намеревались дать ей фейстоуны, которые также могли бы испускать ману.

- Сильвестр прав. Намного более опасным будет позволить продолжить ей идти и дальше путем самоучки. Кто знает, что она может увидеть и извлечь из увиденного неверное вдохновение, - согласно кивая, добавил Карстедт.

Фердинанд нахмурился и начал постукивать пальцами по виску. Это была поза, которую он принимал когда глубоко задумывался – я то это отлично знал, а еще, это был знак того, что он сейчас был в разгаре планирования безжалостного образовательного плана, которому он собирался без малейшей пощады подвергнуть Роземэйн.

... Хех. Тем хуже для неё и лучше для меня.

- Ах, да. Фердинанд, обследуй Роземэйн. Ты упомянул, что её слабое здоровье по твоему мнению было слишком подозрительным, верно? Если у нее проблемы с потоком маны, надеюсь, ты сможешь приготовить подходящее зелье.

Учитывая, что теперь она была моей приемной дочерью, возникла бы большая, и ненужная шумиха, если бы врач обнаружил с ней что-то не так. Если бы она заболела чем-то особенно редким, мне пришлось бы отбиваться от психов от науки, желающих использовать ее для исследований. Лучше всего было бы провести её осмотр сейчас и хранить его результат в тайне, прежде чем она переедет в квартал Аристократов.

- Я чувствую, что когда дело доходит до Роземэйн, ничего не может быть простым. Я сделаю то, что ты предлагаешь, Сильвестр, и осмотрю ее здесь, в храме.

Казалось, что даже Фердинанд не мог сделать точного прогноза, если в события была вовлечена Роземэйн. Он никогда бы не поверил, что у нее был разум человека из другого мира без проверки с помощью магического инструмента. Если бы мы использовали ее знания должным образом, можно было бы многому научиться, но чем дольше мы будем держать ее в секрете, тем лучше.

- О да, и передай это Бэнно из компании Гилберта.

- Что это?

- Объяснение произошедшего с Роземэйн и наши планы на будущее. - Если бы мы все трое твердо выскажемся, что Роземэйн была дочерью Карстедта, которую воспитывали в храме из соображений безопасности, мы смогли бы убедить аристократическое сообщество и храм поверить в это. Но никто из нас не обладал сведениями, которые позволили бы нам предположить, насколько хорошо она была известна в нижнем городе.

- Вопросы нижнего города лучше оставить тем, кто живет в нижнем городе. Бэнно кажется достаточно компетентным в этом человеком и к тому же его достаточно легко использовать; с этими инструкциями он должен смочь позаботиться обо всем необходимом.

Фердинанд с сомневающимся выражением лица взял документы, ведь обычно я сваливал свои инструкции ему, а не кому-либо еще. Он просмотрел документы, затем его глаза широко распахнулись в удивлении:

- Сильвестр, я понимаю смысл ускорения распространения нужной нам версии событий, но что это за обед в итальянском ресторане?!

... Тц. А вот и ожидаемая назойливая лекция. Посмотрите ка на Лорда Логика, непомерно серьезного, упрямого и гибкого, как каменная стена. Почему мы позволили ему вырасти таким? Он ведет себя словно старик, а все потому что совсем не ценит веселье.

- Сильвестр, ты вообще меня слушаешь?

- Послушай, подумай еще кое о чем - нам ведь много о чем стоит переговорить с Бэнно, не так ли? Как и вся эта чушь о распространении печатного дела, - ответил я, и эти мои слова заставили удивленно приподнять бровь уже Карстедта.

- Да просто вызови его сюда. Зачем самому Эрцгерцогу ехать в нижний город?!

- О, в этом существует большая потребность, и эта потребность живет в моем желудке. Я попробую эту еду не смотря ни на что.

- Ну, по крайней мере придумай хорошее оправдание для всего этого!

Дети, не становитесь Эрцгерцогами. Вы даже не можете прогуляться по собственному городу, не нуждаясь в тысячах слоев оправданий. Какая же докука, но мне, наверное, и вправду следует придумать для всего этого вескую причину.

Я начал ковырять мизинцем в ухе, придумывая оправдание.

- Ну, а как насчет того, что как по мне, так купец из нижнего города будет просто не в силах себя вести более менее свободно, проявляя свои способности к торговле, будучи окруженный кучкой чопорных чиновников? Я же буду просто не способен услышать честное мнение весьма успешного торговца, поэтому я не смогу прийти с ним к взаимоприемлемому решению, и обсуждение по существу просто закончится тем, что я отдам ему приказ.

Простолюдину было бы очень трудно честно отвечать на вопросы в окружении официальных лиц, что, в свою очередь, означало, что для меня было почти невозможно получить честное мнение, которое я и хотел услышать.

- К тому же я уже говорил с Бэнно об этом печатном деле. По крайней мере, для компании Гилберта это не станет полнейшей неожиданностью.

Увидеть Бэнно во время экскурсии по приюту для меня стало полной неожиданностью; я не ожидал, что там окажется кто-то способный узнать во мне Эрцгерцога. Я спросил его мнение как торговца, предварительно убедившись, что он будет молчать об этом, и из его слов узнал, что Фердинанд и я были не единственными, кто думал что печатное дело изменит

историю. Бэнно думал так же.

Быстрые, неожиданные изменения всегда встречали на своем пути крайне упорное сопротивление, но причиной этого внезапного изменения были знания Мэйн, принесенные из другого мира. Я задал Бэнно простой вопрос:

- Если, предположим, я убью Мэйн, остановит ли это изменение?

Бэнно в ответ медленно покачал головой:

- Нет, для этого уже поздно. Растительная бумага, которую можно производить массово, уже представлена на рынке, и теперь, когда мы научили Гильдию чернил, как делать чернила, пригодные для печати, их мастерские также начинают массовое производство. Также это уже является фактом, что Гильдия кузнецов уже делает металлические буквы, необходимых для печати, и, наконец, хотя это все еще прототип, уже готов печатный станок. Все детали необходимые для этого уже существуют и уже распространились за пределы города. Есть даже купец-подмастерье, который знает все о создании книг, и как он говорит, его мечта - продавать книги по всей стране. Даже если Мэйн сейчас умрет, созданная ею рябь уже превратилась в неукротимую волну.

Именно поэтому он скрывал существование Мэйн и тщательно выбирал, какое из её изобретений стоит продавать.

- Волна будет распространяться еще быстрее, если Мэйн жива; поразительно, насколько она увлечена созданием книг.

Распространение книгопечатания по всему миру будет лишь вопросом времени. Хоть я и был Эрцгерцогом Эренфеста, но даже я не мог легко сокрушить Гильдию Растительной Бумаги, Мастерскую Мэйн, чернильные мастерские, кузницы и Гильдию Чернил, одновременно уничтожая все, что они знали о печати. Если остановить волну было невозможно, то моим единственным выходом было оседлать её и использовать для максимальной пользы герцогству.

- Я уже сказал компании Гилберта, что Эренфест санкционирует развитие печатного дела, с Мэйн в качестве движущей силы, и приказал готовиться к ускорению уже ведущихся дел, как только она станет дворянкой. Первый шаг в нашем плане - сделать еще одну мастерскую в приюте близлежащего города. - Мне нужно было бы отправить туда компанию Гилберта и чиновника, чтобы посмотреть, насколько там можно будет устроить большую мастерскую, сколько рабочих и какие инструменты им потребуются.

- В любом случае, Роземэйн сможет вернуться во внешний мир только после церемонии крещения и избрания на пост Верховного Епископа. У нас еще есть время. Скажите им, чтобы они до этого закончили все дела в мастерской и в итальянском ресторане. ... Примерно вот так. Ну как, достаточно хорошее оправдание? - спросил я, глядя на Фердинанда. Его брови нахмурились сильнее, а лицо недовольно скривилось.

- Ну почему ты не хочешь использовать свой талант ни для чего другого, кроме еды и гонки за другими удовольствиями?

- Эй, приятель, я всегда выкладываюсь изо всех сил, и в гонке за удовольствиями жизни и во всем другом. - Я ведь и вправду выкладывался на всю, когда дело касалось того чтобы увильнуть от работы назначенной Фердинандом прямо под его носом или же придумывая как переложить всю свою работу на других, чтобы я мог расслабиться. Мне обидно, что он думает, что я трачу все свои силы только на еду и тому подобное.

Наш разговор был прерван звоном седьмого колокола; оказалось, наша дискуссия продолжалась довольно долго. Я встал, Фердинанд и Карстедт тоже.

- На сегодня все. Мы сможем обсудить детали церемонии крещения, когда собрание Эрцгерцогов закончится. Мне нужно вернуться в Суверению.

Мы с Карстедтом ускользнули с ужина, посвященного началу собрания, и должны были вернуться до завтрашнего утра, когда начнется само собрание.

- Могу я попросить вас взять в охрану вице-капитана рыцарей? - Спросил Карстедт формальным и уважительным тоном.

- Я бы хотел остаться здесь и, если возможно, подготовиться к обряду крещения Роземэйн.

- Конечно. Фердинанд, Карстедт, позже сделайте полный медицинский осмотр девочки, и Карстедт, когда у тебя все будет готово, переместите её в квартал Аристократов. - Тем, кто находится в храме, необходимо подготовиться к принятию Роземэйн в качестве нового Верховного епископа.

- Фердинанд, я поручаю тебе объяснить Бэнно все обстоятельства произошедшего, и подготовить храм к предстоящим изменениям. Карстедт, я поручаю тебе подготовить крещение и обеспечить наказание преступников, которых мы сегодня заключили в тюрьму .

Получив мой приказ, они оба преклонили колени в знак уважения и признания моей власти отдать его.

По просьбе читателей, предлагаю варианты дальнейшего именованя Мэйн - Розмэйн, Розамэйн, Роузмэйн, который вариант наберет больше голосов тот и будет дальше использоваться. Лично мне на язык лучше ложится Розамэйн. Свое мнение о имени высказываем в коментах.

Дорогие читатели, несомненным фактом является то, что сервис поиска ошибок на рулейте значительно уступает таковому на Фикбуке с его "Публичной бетой". Если вы решили уделить немного своего времени и сил "поимке блох", пожалуйста, указывайте предложение с ошибкой целиком, это намного упростит мне поиск и последующее исправление. Я ведь все таки не редактор и в мои функции подобная работа не входит.

Для вас переводил Фаат.

<http://tl.rulate.ru/book/6509/1135084>